

Сказав это, он бесцеремонно принялся растирать грубыми ладонями нежное, гладкое тело Лу Ли. словно железная щетка, проходящаяся по мягкому тофу, она быстро оставляла на его фарфоровой коже яркие красные следы.

Однако, даже подвергаясь такой ласке, Лу Ли чувствовал лишь легкое покалывание. Те части тела, что должны были откликнуться на прикосновения, оставались предательски безучастными.

Все пропало... Неужели всю жизнь придется полагаться лишь на воображение? А ведь у нынешнего Су Бая такая кипучая энергия...

Впрочем, даже будь у него желание, сейчас Лу Ли был не в том настроении. Как бы сильно Хэ Ин ни напоминал Су Бая, он все же оставался другим человеком, и Лу Ли не мог так быстро покориться ему душой.

К тому же, сейчас Хэ Ин был одержим лишь похотью. Лу Ли не сопротивлялся, считая, что раз уж он сам пришел в дом Хэ Ина в качестве его жены, то нелепо ломаться и строить из себя недотрогу, настаивая на том, чтобы все ограничивалось лишь игрой на публику. К тому же, если в будущем они действительно полюбят друг друга, разве не будет это выглядеть глупо? Да и в конце концов, если не позволить этому ходячему сгустку гормонов заниматься собой, неужели смотреть, как он пойдет по борделям? На это Лу Ли был не согласен!

Пока он витал в облаках, в левой части груди внезапно кольнуло. Лу Ли тихо вскрикнул и лишь тогда понял, что Хэ Ин, разозлившись, укусил его до крови. Алая капля выступила на коже, окрашивая и без того розовое пятно в еще более яркий цвет. Сердце Лу Ли сжалось, но Хэ Ин, слизнув кровь, вдруг поднялся и отстранился.

— Не хочешь — не надо, черт возьми! — холодно бросил Хэ Ин, бросил Лу Ли на кровать и, даже не накинув рубаху, вышел, хлопнув дверью.

Лу Ли дернулся, обнаружив, что запястья связаны слишком туго, чтобы освободиться, и решил оставить все как есть.

— Сяо Сюэ, он злится...

— Угу, уровень симпатии упал на пять пунктов.

— Тьфу! Да я еще сам не злился! Только начал обдумывать стратегию, а он — чуть что, сразу за свое... Сяо Сюэ, проверь-ка, когда Су Бай перерождлся, он случайно не забыл прихватить мозги, прихватив вместо них лишнюю почку?

Хотя, если подумать, Хэ Ин — молодой, полный сил мужчина, только что женившийся, и не иметь возможности исполнить супружеский долг — это действительно печально. Лу Ли в

глубине души уже почти смягчился, решив просто позволить событиям идти своим чередом, но из-за своей притупленной чувствительности он попросту ничего не ощущал!

Видимо, самолюбие господина Хэ оказалось задето?

Лу Ли моргнул:

— Сяо Сюэ, может, мне стоит пойти и приласкать его?

Система помедлила:

— Помнится, ты называл это... у малыша плохое настроение?

Как оказалось, Лу Ли зря грешил на него.

На следующее утро Хэ Ин, как ни в чем не бывало, занимался тренировками, завтракал и непринужденно беседовал, ведя себя так, будто вчерашний инцидент вовсе не оставил следа. Вечером он даже с истинно джентльменской учтивостью взял свою молодую жену с собой, чтобы лично поздравить Лу Байваня.

Четвертая наложница Лу Байваня была его любимицей, поэтому празднование дня рождения было пышным. Когда Хэ Ин и Лу Ли прибыли, в банкетном зале уже яблоку негде было упасть. Лу Байвань в безупречном западном костюме вышел встречать их с сияющей улыбкой:

— Почтенные гости, добро пожаловать!

Хэ Ин обменялся с ним дежурными любезностями, вручил подарок, и их проводили к почетным местам. Стоило им сесть, как кто-то из гостей заметил, что господин уездный начальник оказал им большую честь.

— Да уж! Господин начальник так занят государственными делами, особенно с этим громким делом об ограблении казначейства, а все равно нашел время прийти. Господин Лу, вы просто обязаны выпить за здоровье начальника Хэ!

— Разумеется, разумеется! Я пью за ваше здоровье!

Мужчины чокались бокалами, а Лу Ли послушно подкладывал Хэ Ину еду. Пара нефритовых браслетов на его запястье притягивала взгляды, но кожа под ними — то ли от игры света, то ли от контраста с зеленым нефритом — отливала синевой, выглядя болезненно. Мужчины вряд ли обратили бы на это внимание, но любая женщина, бросив лишь один взгляд, сразу бы поняла, что к чему, а уж тем более — странные синяки на руках жены начальника уезда.

Когда ужин закончился и начались танцы, Хэ Ин не пошел на паркет, а остался на диване, покуривая сигару в компании нескольких местных воротил. Лу Ли никого не знал, поэтому сидел в стороне, не решаясь подойти ближе, чтобы не мешать разговору, но и не смея отойти слишком далеко, чтобы не вызвать лишних толков.

Четвертая наложница Лу Байваня, закончив танец, заметила эту картину. Ее глаза блеснули, и она поспешила к Лу Ли:

— Ой, сестрица, чего ты тут сидишь? Как раз у нас недобор на маджонг, пойдем, составишь компанию!

Она потянула Лу Ли за собой, но тот не двигался, глядя на Хэ Ина. Лишь когда тот едва заметно кивнул, Лу Ли, казалось, с облегчением выдохнул и поднялся.

— Мне кажется, сестрица, ты не очень любишь говорить? — она ласково обняла его, но Лу Ли лишь указал на горло и покачал головой.

— Проблемы с голосом? — наложница замерла. Увидев отрицательный жест, она удивилась еще больше: — Ты не можешь говорить?

Лу Ли смущенно опустил голову.

— Ой, сестрица, прости, я, кажется, была бестактна? Не принимай близко к сердцу, я ведь прямолинейная... — она принялась извиняться и, словно пытаясь сменить тему, схватила Лу Ли за запястье: — Кстати! Вижу, начальник души в тебе не чаёт, браслеты-то небось недешевые, а? — Тут ее взгляд упал на отчетливые синяки, и она осеклась: — Сестрица, да у тебя тут...

Лу Ли поспешно выдернул руку.

Четвертая наложница огляделась по сторонам, отвела Лу Ли в безлюдное место и понизила голос:

— Скажи... это начальник Хэ с тобой так...

Лу Ли грустно улыбнулся и яростно замотал головой. Он взял руку наложницы, начертил на ее ладони иероглиф возвращение и, развернувшись, направился в сторону сада.

— Сестрица, заходи как-нибудь поиграть в маджонг! — донеслось до него вслед.

Лу Ли невольно усмехнулся.

С того дня четвертая наложница стала то и дело присылать приглашения. Сначала Лу Ли отказывался, но потом, не желая обижать женщину, начал захаживать. Они сдружились, но наложница лишь развлекала его, и никаких признаков того, что она хочет склонить его к измене, не было.

В тот день Лу Ли вернулся из дома Лу в крайнем возбуждении. Не успев даже переодеться, он бросился в зал совещаний.

На длинном столе была разложена карта. Лао Сань как раз объяснял Хэ Ину планировку особняка Лу, когда услышал стук каблуков. Он обернулся и застыл:

— Восьмая... Восьмая? — он открыл рот, невольно уставившись на пышную грудь Лу Ли, а затем перевел взгляд на талию и бедра...

Хлоп!

Хэ Ин отвесил ему подзатыльник. Лао Сань взвыл от боли, но Хэ Ин уже не смотрел на него, впившись взглядом в Лу Ли, словно тот был незванным гостем.

Лу Ли, не обращая внимания на замешательство, подошел к столу. На карте было обведено несколько зон — слепые пятна для наблюдения снаружи. Лу Ли прищурился, изучая их, и открыл рот. Раздался чужеродный мужской голос:

— Я проверял это место, там нет пространства для тайника с золотом.

В этот момент Лао Сань чихнул. Лу Ли покосился на него, и тот, почесав затылок, неловко улыбнулся:

— Хе-хе, Восьмая, как ты заговоришь, у меня мурашки по коже...

— Ты еще не видел того, от чего они побегут по-настоящему... — Лу Ли намеренно подмигнул ему, тонким голосом позвав третьего господина. Лао Сань вскрикнул и закрыл лицо руками.

— Хватит! К делу! — Хэ Ин ударил по столу и указал на то, что Лу Ли прижимал к груди: — Что там?

Лу Ли поставил на стол лаковую шкатулку, которую нес всю дорогу. Внутри лежали деревянные серьги с серебряными вставками.

— Четвертая наложница впервые дарит мне подарок, — Лу Ли потрогал маленькие крючки, пробормотав: — Что бы это значило...

Хэ Ин взял одну сережку, повертел ее в руках и вдруг приподнял бровь:

— Уши и глаза?

Уши и глаза. Неужели это оливковая ветвь от семьи Лу?

— Лу Байвань осторожен. О чем он думает, он не скажет, но то, что ты видишь — он хочет, чтобы ты услышал, — Хэ Ин усмехнулся, рассматривая украшение: — Что ж, позволим ему услышать то, что он хочет! Этот бандит, начальник Хэ, намерен ограбить его казначейство!

— Если он узнает, он примет меры! — опешил Лао Сань.

— Поэтому ты, малец, будешь следить за ним эти дни и смотреть, какие именно меры он примет!

Лао Сань просиял, хлопнул себя по бедру и рассмеялся:

— Точно! Заставим его выдать себя!

Хэ Ин смотрел на него, загадочно улыбаясь. Его выражение лица было таким, словно он был прав, но не до конца. Лао Сань снова зачесал затылок, украдкой глядя на Лу Ли, но тот, казалось, вообще не слушал, уставившись в пустую шкатулку.

— Восьмая? — позвал Лао Сань.

Лу Ли поднял голову с несчастным лицом, взглянул на него, затем перевел жалобный взгляд на Хэ Ина и поджал губы:

— Я пошел. — С этими словами он схватил шкатулку и действительно ушел.

Не прошло и часа, как Хэ Ин зашел в его комнату. Лу Ли уже переоделся в обычную одежду и сидел за столом, озадаченно глядя на две соевые бобины и иглу.

Хэ Ин подошел и потянулся к уху Лу Ли. Его мочка была такой же мягкой и нежной, как и все тело, и так приятно ложилась в пальцы, что Хэ Ин, разминая ее, совсем забыл, зачем пришел — хотел ведь только проверить, проколоты ли уши...

А у Лу Ли от прикосновения к мочке по телу словно пробежала сотня мурашек. Зуд, щекотка — он почувствовал себя так же, как в прошлом мире, когда касались его антенн. Весь он словно растаял, а эмоции, исходящие от пальцев Хэ Ина, превратились в сотни маленьких когтей, яростно скребущих по сердцу.

Лу Ли было нестерпимо щекотно, а кое-кому было куда более беспокойно.

— Я не буду колоть! — Лу Ли мотнул головой, вырываясь из рук Хэ Ина и закрывая уши. Но тот, кажется, нашел занятие поинтереснее и, полностью игнорируя его, с живым интересом взял бобину.

— Иди сюда, — Хэ Ин холодно посмотрел на него: — Ты мужчина или кто?

— Какой мужчина будет колоть уши... — пробормотал Лу Ли, не желая подходить и отчаянно взывая к системе.

— Сяо Сюэ, Сяо Сюэ! У меня притуплена боль, но уши чувствительны. Если я проткну мочку, я почувствую или нет?

Система помедлила:

— Может, попробуешь? А... обнаружила, что у Хозяина медленно растет уровень адреналина!

Хэ Ин, ты проклятый извращенец!

Лу Ли с ненавистью уставился на этого ходячего источника гормонов, но вместо того чтобы уйти, тот лишь подошел ближе. Хэ Ин смотрел на него холодным взглядом, не терпящим возражений:

— Либо дашь мне спокойно проколоть, либо я сначала проучу тебя, а потом ты все равно дашь мне проколоть.

— А самому можно? — предпринял последнюю попытку Лу Ли.

— У тебя рука не поднимется, — ответил Хэ Ин. Он силой разжал руки Лу Ли, зажал мочку бобиной, разминая ее, а затем взял иглу и прокалил ее над пламенем свечи.

— Может, лучше свяжешь меня... — не успел он договорить, как Хэ Ин схватил его за шею и плечи. В следующее мгновение в ухе вспыхнула острая боль — такой боли он не испытывал за все три своих жизни. Если бы его не держали так крепко, он бы подпрыгнул до потолка, но сдержать крик не удалось...

— А-а-а-а! Черт, как больно, у-у-у...

В этот момент Хэ Ин внезапно прильнул к его пылающей мочке, всасывая ее. В тот миг, когда влажный, горячий язык коснулся прокола, тело Лу Ли окончательно одеревенело. В голове что-то взорвалось.

Вероятно, это были остатки его достоинства.

Лу Ли мысленно прощался с остатками чести — он постыдно возбудился.

Когда Хэ Ин, продезинфицировав ранку ртом, собрался колоть вторую мочку, он увидел нечто невероятное: тело, которое после всех его ласк раньше было холодным, как у дохлой рыбы, теперь, после одного-единственного прокола, стояло столбом.

Хэ Ин невольно приподнял бровь и посмотрел на Лу Ли взглядом, полным понимания. Хотя он ничего не сказал, Лу Ли показалось, что тот прошептал ему на ухо зловещим тоном:

Я все понял.

Нет, нет! Ты ничего не понял! Ты совершенно не понимаешь сути этого дела!

Значит, ты из этих... любителей боли...

Нет, нет! Я не такой!

Клянусь небом, он правда не мазохист!

Хэ Ин насмешливо оглядел Лу Ли с ног до головы, потянулся к другой мочке и хмыкнул:

— С какой стороны начнем решать проблему?

Конечно, с ушей! Если сейчас закончить с этим, разве не придется снова «отдавать честь»?

Лу Ли со злостью стиснул зубы, пытаясь выхватить иглу, но Хэ Ин, вошедший во вкус, не позволил ему этого сделать. Его большая рука, словно тиски, сковала маленького кролика. Он с интересом разминал мочку, чувствуя, что, несмотря на удобу, уши у Лу Ли мясистые и мягкие — одно удовольствие трогать. Когда он наконец поднес иглу, ему даже стало немного жаль.

Короткая игла прошла сквозь мочку. Хэ Ин наклонился и втянул ее в рот. Когда он отстранился, на покрасневшей мочке осталась красная нить, выглядевшая очень красиво. Хэ Ин нахмурился, снова поцеловал его пылающее ухо и прошептал:

— Жена, заждалась? — с этими словами он потянулся к штанам Лу Ли.

В глубине души Лу Ли сопротивлялся, но реакция тела заставляла его сдаваться снова и снова. Когда Хэ Ин потянул за ниточку, зажатую в зубах, Лу Ли окончательно проиграл. Да и черт с ними, с приоритетами! Лу Ли вдруг повернул голову, уворачиваясь от назойливых губ, но не успел он пожаловаться, как сам прильнул к ним. Их губы сплелись в страстном поцелуе, словно они понимали друг друга без слов. Сердце Лу Ли дрогнуло, он обнял Хэ Ина, а в следующее мгновение почувствовал легкость — Хэ Ин подхватил его на руки и, не прекращая целовать, широкими шагами направился к кровати...

...

Подушки из шелка, теплое одеяло, их тела переплелись. На смуглой спине Хэ Ина проступили мышцы, а вокруг них обвилились белые руки. В какофонии сбивчивого дыхания и стонов кто-то тонко и слабо прошептал:

Учитель...

— Кто? — лицо Хэ Ина мгновенно заледенело. Он намертво прижал плечи того, кто был под ним: — Кого ты зовешь?

Человек под ним, с затуманенным взглядом и алыми мочками ушей, лишь спустя долгое время осознал, что от него ждут ответа, и растерянно пробормотал:

— Никого...

Давление на плечи усиливалось, но человек медленно реагировал на боль. Взгляд Хэ Ина становился все холоднее, а в груди все пылало. Словно лопнула какая-то струна — невиданная доселе ярость и ревность вырвались наружу. Еще не успев осознать, почему этот человек вызывает у него такие чувства, его тело само начало мстить.

Кровать скрипела, словно разбитое судно в шторм, издавая жалобные стоны.

Однако капитан этого судна поджал губы и молчал. Он не просил о спасении, не признавал вину, вынуждая Хэ Ина терять рассудок, двигаясь все жестче и яростнее. А чувство меры и осторожность давно сгорели в огне гнева и желания.

— М-м... — глаза Лу Ли покраснели. Невыносимая боль в теле превращалась в голове в странное, надвигающееся блаженство. Он дрожащими руками потянулся к Хэ Ину, в голове был полный хаос: — Обними...

— Кого ты хочешь обнять? — Хэ Ин помрачнел, намеренно отказывая ему в ласке.

— ... — Лу Ли закусил губу, нахмурившись, словно пытаясь разглядеть лицо Хэ Ина. Знакомое имя крутилось на языке, но так и не было произнесено. Вместо этого его взгляд окончательно остекленел, тело содрогнулось, и после долгой «церемонии капитуляции» он наконец потерял сознание.

...

Хэ Ин стоял во дворе с мрачным лицом, куря сигарету. На кухне всюду пылал очаг, там что-то горело, испуская густой черный дым. На втором этаже открылось несколько окон, из которых выглядывали головы, но стоило Хэ Ину метнуть на них убийственный взгляд, как они тут же прятались.

Так весь уездный дом узнал, что у главаря плохое настроение и он что-то сжигает, но никто не знал, что именно.

Лу Ли спал очень крепко, но это не мешало ему болтать с системой в зоне подсознания. После обновления система превратилась из снежинки в пухлого снеговика ростом с полчеловека, на груди которого мерцал ледяной кристалл. Лу Ли ткнул снеговика в пухлую щечку и действительно почувствовал холод, как от настоящего снега.

Он улыбнулся и взглянул на данные на световом экране. Уровень симпатии Хэ Ина продолжал расти и достиг 58, но цифры, раньше светившиеся ледяным голубым светом, теперь мигали красным. Лу Ли замер, рядом тут же появилось всплывающее окно: Уровень ненависти Хозяина: 50.

— Сяо Сюэ????

— Не смотри на меня, я не знаю. Твой Хозяин вдруг стал таким... Возможно, это то, что называют любовью и ненавистью в одном флаконе?

— ... — Лу Ли в отчаянии сел, подперев лицо руками, пытаясь вспомнить, чем он только что разозлил Хэ Ина. Но... лицо Лу Ли вдруг вспыхнуло, и он пробормотал: — Слушай, Сяо Сюэ, я ведь обновился? Почему на этот раз уши чувствительнее, чем раньше мои антенны?

— Я тоже удивлена. Твоя биологическая связь с Хозяином на этот раз на 15% сильнее, чем в прошлом мире, — предположила система. — Вероятно, ты уже привык к такому режиму задач? Ты более готов принять Хозяина духовно, поэтому после повышения уровня связи реакция на прикосновения к чувствительным местам становится острее?

Или... можно ли это понимать так, что это лишний раз подтверждает, что Хозяин в обоих мирах — один и тот же человек, поэтому биологическая связь становится все теснее?

Но реакция настолько острая, что он сам кончил раньше, чем успел разобраться в эмоциях Хозяина?! Это не слишком ли?

— Сяо Сюэ, ты уверена, что ученые, обнаружив высокую степень выполнения задачи в прошлом мире, не увеличили сложность задачи в этом?

— Э-э... ты на стажировке, так что... сложность задач возрастает постепенно.

— ... — Похоже, преодоление побочных эффектов биологической связи было одним из пунктов самоподготовки во время стажировки.

Как только прошел слух, что Хэ Ин собирается ограбить казначейство, Лу Ли, снова придя на партию в маджонг, обнаружил, что охрана семьи Лу стала гораздо строже. Ополченцев с ружьями стало больше, а вместе с усилением вооруженных сил множились и странные синяки на теле Лу Ли.

На этот раз — огромный синяк сбоку на шее.

— Ой, сестрица, посмотри на себя... ах... — четвертая наложница, заметив это, потеряла всякий интерес к маджонгу. Она отвела его в спальню, чтобы смазать синяк мазью, и принялась сочувствовать: — Подумать только, начальник Хэ, с виду такой праведный и величественный, а имеет такие наклонности... Тяжело тебе, сестрица!

Лу Ли молчал, в душе проклиная этого господина Хэ на чем свет стоит.

<http://bllate.org/book/22154/2307722>